

РЕВОЛЮЦИЯ И МЫ

**ВАРДАН
БАГДАСАРЯН**

ОКТЯБРЬ 1917-го

**РУССКИЙ
ПРОЕКТ**

Революция и мы

Вардан Багдасарян

Октябрь 1917-го. Русский проект

«Алисторус»

2017

УДК 94(47)"1917"
ББК 63.3(2)6

Багдасарян В. Э.

Октябрь 1917-го. Русский проект / В. Э. Багдасарян —
«Алисторус», 2017 — (Революция и мы)

ISBN 978-5-906880-81-9

Вардан Эрнестович Багдасарян – крупнейший российский историк и политолог, специалист по революционному движению в России начала XX века. В своей новой книге Вардан Багдасарян показывает Октябрьскую революцию 1917 года как русский проект, в ходе которого большевики победили в борьбе с политической и культурной элитой, принявшей идеологию западничества, и восстановили Россию в качестве самобытной цивилизации. Он подробно рассматривает проявления русской державности во внутренней и внешней политике большевизма, в системе и стиле управления, в символах советского государства.

УДК 94(47)"1917"

ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-906880-81-9

© Багдасарян В. Э., 2017

© Алисторус, 2017

Содержание

Введение	6
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Вардан Багдасарян

Октябрь 1917-го. Русский проект

© Багдасарян В.Э., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Введение

Принято считать, что «русская революция» привела сто лет назад к уничтожению выстраиваемой на традиционных ценностях российской православной цивилизации Империи. Но так ли это в действительности? Действительно, СССР отказывался, казалось бы, от прежней религиозной платформы ценностного самоопределения России. Более того, разворачивалась антирелигиозная атеистическая пропаганда и гонения на Церковь. Новая мировоззренческая система стала базироваться на диалектическом и историческом материализме. Однако христианские в своем фундаменте ценности российской цивилизации были и под вывеской советского проекта сохранены. Сказывалась инерция тысячелетней православной исторической традиции, вошедшей в природу жизни русского /российского человека. Кроме того, и в рамках реализации самого советского проекта были найдены формы и подходы организации общественной жизни, которые можно было бы определить как православные по духу. СССР не перечеркнул преемственной истории России, хотя попытки такого рода первоначально и предпринимались. Советский Союз выступил одним из исторических воплощений российской, православной по своему ценностному фундаменту, цивилизации. Официальный атеизм являлся стратегической ошибкой советского проекта, выхолащивающей его потенциалы, имевшей для него роковое значение. Материалистическое мировоззрение противоречило выстраиваемой в СССР апеллирующей к идеальному идеократической модели. Соединить советскую социальную систему с религией было принципиально возможно. Но этого не произошло ввиду конъюнктурных обстоятельств, приверженности догматике диалектического материализма, победы соответствующего политического крыла в руководстве КПСС.

До недавнего времени в церковных кругах доминировала оценка революции и советского периода в целом со знаком минус. Но вот на Рождественских чтениях 2015 года патриарх Кирилл, говоря о преемственности российской истории как духовной основе единства современной России, говорит о необходимости включения в эту преемственную канву периода СССР. Но что в ценностном плане нес советский проект применительно к ценностному пакету православного общежития? Патриарх в качестве важнейшего идейного наследия СССР указывает на ценности справедливости и солидарности. «Затем, – переходит он в изложении истории России от императорского к советскому периоду, – революция. Ни у кого не было стремления и желания представить лубочную картину этого страшного явления. Но возникает вопрос: а что-то хорошее было? Или только кровь? Только влияние иностранных центров? Только навязывание России иного, не свойственного ей в то время образа жизни? А положительное было что-то? Или только глупое, простите, тупое следование указаниям из-за рубежа через соответствующие политические силы внутри страны? Мы ответили – было. Стремление людей к справедливости. Если бы этого стремления не было, то никакая пропаганда бы не работала. А в советское время? Как только начинаем говорить о советском времени, одни идеализируют, другие демонизируют. А было нечто такое, что это время породило и что сегодня мы смело можем принять, включить в собственную философию жизни? Было. Солидарность. И никогда не надо забывать подвиг нашего народа. И не только военный подвиг. А те самые комсомольцы, которые на целину ехали, БАМ строили, не получая за это никаких наград и привилегий? Это чувство локтя, чувство желания общими усилиями сделать добро для своей страны. Итак, солидарность».¹

Во время «холодной войны» дехристианизация СССР использовалась как аргумент Запада по обвинению советской системы. Пафос этого обвинения присутствовал, в частности,

¹ Патриарх сложил пять ключевых элементов русской цивилизации // <http://vz.ru/politics/2015/1/22/725742.html>

в знаменитой речи Рональда Рейгана 8-го марта 1983 года об «империи зла».² В действительности дехристианизация Запада осуществлялась еще более высокими темпами. С исчезновением геополитической альтернативы, которую представлял СССР, она и вовсе пошла семимильными шагами. И вновь обратимся к оценке патриарха. О том, что Запад дехристианизирован в гораздо большей степени, чем это имело место в Советском Союзе, сохранившем сущностную связь с христианскими заповедями, рассуждал он в беседе с митрополитом Детройта от Константинопольского патриархата Николаем Писарисом. «Откровенно я скажу, – обращался патриарх к американскому гостю, – нас, конечно, очень беспокоит то, что происходит сейчас в христианском мире, – заявил патриарх Кирилл американскому гостю. – Вы лучше, чем я, знаете о происходящей дехристианизации европейской и американской цивилизации. Это апокалиптическая картина, когда грех утверждается законом, когда поступки, абсолютно расходившиеся с христианской, а также иудейской и вообще богооткровенной нравственностью, поддерживаются силой государства. Вы знаете, что у нас в стране был государственный атеизм. Однако нравственная парадигма в целом оставалась христианской, и это нас спасло: наша литература, изобразительное искусство были проникнуты христианскими идеями, и мораль народа оставалась христианской. Коммунисты не смогли на это посягнуть».³

Что из идейного арсенала русского коммунизма (отличавшегося от коммунизма как западного по своему генезису учения) указывает на его ценностное родство с русским православием? Таких составляющих довольно много. Выделим важнейшие из них:

- наличие устремленного в будущее общественного идеала, определяющего идеократические формы государственности;
- идея преобразования грядущего человека на основе принципов нравственности;
- отрицание необходимости конкуренции для экономического развития;
- неприятие ростовщическо-спекулятивной экономики;
- скептическое отношение к богатству и собственности;
- негативное отношение к потребительским установкам, нестяжательство;
- интернационализм в идейном единстве человечества, борьба с восходящим к языческой платформе национализмом;
- императив спасения человечества от эрозии духовного разложения;
- реализация восходящего к Ветхому и Новому Завету принципа «кто не работает, тот не ест»;
- воспитание молодежи в духе альтруизма, взаимопомощи, взаимоуважения, других традиционных добродетелей;
- борьба с половой распущенностью, осуждение подмены сексом отношений любви;
- коллективизм, неприятие социального неравенства;
- вера в грядущую эсхатологическую победу сил добра.

Еще в 1937 году Н. А. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма», выпущенной на английском языке и адресованной западному сообществу, открывал глаза Запада на иллюзорность произошедшей с Россией трансформации: «Произошло изумительное в судьбе русского народа. Вместо Третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал, и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть также священное царство, и оно тоже основано на ортодоксальной вере».⁴ Даже Ф. М. Бурлацкий, человек, стоящий явно не на христианской платформе, признавался, что

² Речь Рейгана 8-го марта 1983 года // http://www.coldwar.ru/raegan/evil_empire.php

³ Патриарх Кирилл обнаружил в СССР больше христианского, чем на современном Западе // http://www.ng.ru/fait/2016-05-26/2_patriarh.html

⁴ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С.118.

включение в «Моральный кодекс строителей коммунизма» религиозных элементов был сознательным шагом его разработчиков.⁵

Понимание истории СССР как преемственного этапа в истории российской цивилизации имеет принципиальное значение для нынешнего поколения россиян. Если большевизм был историческим разрывом с прежней Россией, то, значит, в 1917 году пресеклось существование российской цивилизации. И чьими тогда достижениями была победа в Великой Отечественной войне, освоении космоса, выдающихся побед в спорте? Очевидно, ни российская цивилизация, ни имперское цивилизационное государство не перестали существовать. Они лишь модифицировались, сменили язык, обрели новые формы в соответствии с новыми вызовами времени. Российская империя и СССР были различными модификациями одного и того же цивилизационного русского проекта. Следовательно, для движения вперед возможен и необходим синтез обеих моделей в современном российском государствовооружении.

⁵ Бурлацкий Ф. Судьба дала мне шанс // <http://kpss-ru.livejournal.com/94045.html>

Глава 1

Как и почему пала Российская империя?

Идеология Империи

О том, что представляла собой Российская империя в раскладе международных сил, какой идеологический месседж несла она миру, можно получить представление по Высочайшему Манифесту, подписанному Николаем I 14 марта 1848 года. Манифест был ответом на захлестнувшие Европу революции, утверждение на Западе нового секулярного миропорядка.

«Божиею милостию Мы, Николай Первый, Император и Самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем всенародно: После благословений долголетнего мира запад Европы внезапно взволнован ныне смутами, грозящими ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства. Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро сообщились сопредельной Германии и, разливаясь повсеместно с наглостию, возрасставшею по мере уступчивости Правительств, разрушительный поток сей прикоснулся, наконец, и союзных Нам Империи Австрийской и Королевства Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает, в безумии своем, и Нашей, Богом Нам вверенной России. Но да не будет так! По заветному примеру Православных Наших предков, призвав в помощь Бога Всемогущего, Мы готовы встретить врагов Наших, где бы они ни предстали, и, не щадя Себя, будем, в неразрывном союзе с Святою Нашей Русью, защищать честь имени Русского и неприкосновенность пределов Наших. Мы удостоверены, что всякий Русский, всякий верноподданный Наш ответит радостно на призыв своего Государя; что древний наш возглас: за веру, Царя и отечество, и ныне предугажет нам путь к победе: и тогда, в чувствах благоговейной признательности, как теперь в чувствах святого на него упования, мы все вместе воскликнем: С нами Бог! разумеите языцы и покоряйтесь: яко с нами Бог!». ⁶ Россия, судя по царскому Манифесту, позиционировалась как полюс сил, защитница традиций православной святости. На ценностном фундаменте противостояния глобальному злу выстраивалась модель имперской государственности. Эта модель соотносилась с православным учением о катехоне – державе, удерживающей мир от окончательного торжества в нем сил зла. Тогда многие в Европе считали, что реализация вызревшего еще в просветительской среде проекта построения секулярного миропорядка невозможна, пока существует на востоке Православная Империя.

Проходит семьдесят лет, и казавшаяся незыблемой Империя рушится в несколько дней. Такое обрушение, несмотря на свою скоротечность, не могло быть случайным. Конечно, враги вели против нее борьбу. Но одного этого было бы недостаточно. Русский философ, эмигрант первой войны Иван Ильин по отношению к попыткам конспирологической интерпретации Революции писал в свое время, что видеть в ней «просто результат заговора» – «вульгарный и демагогический подход»; «это все равно, что объяснять болезнь злокозненно сговорившимися бактериями и их всесильностью... Бактерии не причина болезни, они только ее возбудители; причина в организме, его слабости». ⁷ Чтобы рухнуло имперское здание, нужно было подорвать фундамент, на котором оно выстраивалось. Фундаментом империй как государств – цивилизаций являются прежде всего ценностные накопления и социальные нормы жизнеустройства. Они были подорваны задолго до семнадцатого года. Попытаемся разобраться, что и как привело к этому подрыву.

⁶ Полное собрание законов Российской империи: собр. 2-е. Т. XXIII. Отд. II. № 22087.

⁷ Ильин И. Мировые причины русской революции // Вече. Мюнхен, 1985. № 17. С. 44–45.

За двумя реформационными периодами закреплено в историографии понятие «великие реформы». Первый – реформы Александра II, второй – реформы П. А. Столыпина. Но в чем состоит величие преобразований? Один подход задает критерий величия с позиций универсальной теории прогресса. Великими в этой постановке являются те реформы, которые соответствуют неким мировым, в действительности западным, практикам. Но ведь сам по себе перенос управленческой практики не обязательно приведет к успеху, а может даже обернуться в других условиях катастрофой. Сила среды часто оказывается весомее силы реформ. Другой подход к величию реформ заключается в их оценке по критерию усиления или ослабления жизнеспособности страны. Здесь на первое место выходят уже не внешние рецепты, а собственные цивилизационно-ценностные накопления. Будучи великими в соответствии с первым подходом, оба реформаторских периода имели подрывное значение при рассмотрении их через призму второго подхода.

Либеральная идеология реформ Александра II и российский цивилизационный контекст

Реформы Александра II были побуждены существенным завышением в российском обществе масштабов поражения в Крымской кампании. Недооценивался тот факт, что Российская империя достойно противостояла в течение трех лет объединенным силам ведущих стран Запада. Реформирование было в значительной степени определено кризисом имперского сознания. Невыигранная война и – как результат – синдром непобедимости стремительно трансформируются в комплекс неполноценности. Морально-психологический эффект поражения оказывался более весомым мотиватором реформ, чем рациональное диагностирование состояния государственного механизма.

Мировая капиталистическая конкуренция национальных экономик актуализировала угрозы военных экспансий. Угроза отставания мотивировала переход к реформам. Перед Российской империей встал вопрос о необходимости системной модернизации. Но проблема состояла в выборе модернизационной модели. Сравнительно низкая производительность труда в помещичьем и крестьянском хозяйствах, отсутствие сформировавшегося рынка свободной рабочей силы, отсутствие частного капитала определяли обращение к казавшемуся успешным опыту стран Западной Европы.

Выбор был сделан в пользу либеральной (с оговорками, характерными для либерализма XIX в.) модели развития. Понятия «гласность» и «оттепель» прочно вошли в повседневный общественный лексикон. Царя окружила когорта либералов-реформаторов. Одним из основных программных концептов была идея децентрализации. Популярность среди элиты европейского образа жизни была фактором распространения либерально-западнических теорий. Группирующаяся вокруг ряда крупных журналов общественность обеспечивала соответствующую шумовую поддержку реформ. Восторженно приветствовал Александра II из Лондона герценовский «Колокол». «Мы, – декларировал А. И. Герцен, – идем с тем, кто освобождает и пока он освобождает»⁸. Одобрительно отзывалась о реформах в России иностранная пресса. К ней новая российская власть выработала привычку прислушиваться. Ошибка заключалась в игнорировании при проведении реформ российской цивилизационной специфики.

Россия шла, казалось бы, в том же универсальном направлении, что и выбранные как образец для подражания ведущие западные страны. Перспективы развития связывались в социально-экономической области с утверждением модели капитализма, а в общественно-политической – модели либеральной демократии. Однако реформаторские проекты сталкивались с реалиями российского цивилизационного уклада. Проектные перспективы обо-

⁸ Герцен А. И. Собр. соч. в 30 т. М., 1954. С. 197.

рачивались комплексом неразрешимых в рамках новой парадигмы развития противоречий и конфликтов. Революции начала двадцатого столетия оказались прямым результатом действия запущенных в ходе реформ процессов. Парадокс убийства «царя-освободителя» представителями освободительного движения находит свое объяснение. Самодержавие само вызвало к жизни те силы, которые стали представлять угрозу его собственному существованию.

Обнаружилось, что бывший крестьянин с трудом адаптируется к условиям городской жизни и конкуренции на рынке рабочей силы. Неадаптированность катализировала повышенную революционную активность новообразованного российского рабочего класса. Латентная ностальгия по общинному укладу деревни обуславливала особую популярность в России социалистических концептов. Возник феномен «русского социализма», специфика которого состояла в апелляции к коллективистским принципам функционирования общины.

Реформы были проведены таким образом, что материальное положение большей части российского населения существенно ухудшилось.⁹ Крепостная зависимость заменялась на долговую. Социальная поляризация вызывала рост конфликтной напряженности между различными слоями общества. Пошедшее на обманную схему выкупных платежей государство теряло ореол сакральности и не могло более брать на себя роль третейского посредника (а уж тем более гаранта социальной справедливости).

Особые схемы проведения крестьянской реформы на окраинах Российской империи усугублялись различием экономических укладов в регионах с преобладанием русского и, наоборот, инородческого населения. Различие норм хозяйственного и социального быта приводило к снижению уровня этнической комплементарности.

Целевой ориентир реформ – усиление позиций модернизированной России в мире – не только не был достигнут, а наоборот – произошло резкое снижение ее мирового значения как в политическом, так и в экономическом отношении. Увеличить посредством экономических стимулов производительность труда так и не удалось. В основе провала России в мировом экономическом рейтинге успешности было самоустранение государства от ряда управленческих функций. Либеральная концепция децентрализации управления обнаружила свою неэффективность. Возрастание степени открытости российской экономики крайне негативно сказалось на положении отечественного товаропроизводителя. Усилились позиции иностранного капитала, увеличилась зависимость государства от зарубежных кредитов.

После 1861 г. применительно к России фиксировался определенный спад производства, что традиционно объясняется трудностями реструктуризации крепостного хозяйствования. В течение некоторого времени положение стабилизировалось, и наблюдался экономический прирост. Впрочем, темпы развития национальной экономики в период правления Александра II оказались в сравнении с передовыми странами Запада столь незначительны, что уместнее было бы говорить о стагнации. Занимая к середине XIX в. второе после Великобритании место по объемам промышленного производства, Российская империя, ввиду стремительного рывка своих конкурентов, безвозвратно утратила свои былые позиции. К концу правления Александра II ее доля в мировом промышленном производстве составляла лишь 2,9 %, что соответствовало пятой строчке в экономической иерархии государств. Вновь на второе место выведет ее в очередной раз ценой невероятных усилий советская индустриализация.

В 1873-75 гг. российская экономика была поражена первым за ее историю «капиталистическим кризисом». Характерно, что он сказался прежде всего на мелкой промышленности, фактически не затронув государственный сектор. С 1878 года, давшего 20 % прироста промышленного производства, наконец-то начался подъем. Он соотносился с кардинальной сменой экономического курса, которая выражалась, во-первых, в существенном увеличении государственных заказов, обусловленных обстоятельствами русско-турецкой войны, и, во-вто-

⁹ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. 1. С. 580.

рых, резким ужесточением таможенной политики. Тем не менее экономический итог правления Александра II выражался в истощении платежных сил и всеобщем понижении благосостояния населения. Из двадцати шести лет александровского царствования только пять оказались бездефицитными. Общая же сумма дефицита превысила миллиард рублей.¹⁰

Две стороны крепостного права и двойственность процесса раскрепощения

Неоднозначна, с точки зрения обеспечения жизнеспособности российского государства, и наиболее известная реформа Александра II, традиционно определяемая как отмена крепостного права. Она имела две противоположные смысловые составляющие. Противоречия, проявившиеся в ней, проистекали из двойственности самого феномена крепостного права. На эту двойственность указывал, в частности, в своем лекционном «Курсе русской истории» Василий Осипович Ключевский: «Крепостной крестьянин был крепок лицу землевладельца, но при этом он был еще прикреплен и к своему состоянию, из которого не мог вывести его даже землевладелец: он был вечно обязанный государственный тяглец». ¹¹ Прикрепленность к землевладельцу-помещику не исчерпывала сути крепостного состояния крестьянина. Более значимым в крепостном состоянии являлось прикрепление крестьянина к своему крестьянскому тяглу в отношении государства. В этом отношении русский крепостной крестьянин не был точной аналогией европейского феодального крестьянина периода средневековья. ¹² Соответственно, и раскрепощение содержало два различных аспекта – освобождение крестьянина от власти помещика и освобождение от тяглового состояния. Историография крестьянской реформы традиционно акцентируется на первой составляющей. Отсюда и оценка этой реформы с эпитетом «великая». ¹³

Действительно, помещичье землевладение являлось анахронизмом, препятствующим развитию России. После предоставления дворянству права не служить при Петре III и Екатерине II возник феномен «праздного класса». Снятие с дворян обязанности несения службы, при сохранении крестьянства в крепостном состоянии, продуцировало социальный конфликт в российском обществе. Дворянство лишалось своей функциональной роли в сословном распределении тягловых обязанностей. ¹⁴ Все последующие попытки Павла I и Николая I вернуть дворян к службе оказались тщетны. Содержание «праздного класса» крайне дорого обходилось России. Кроме того, существовал еще и нравственный вопрос в сохранении личной крепостной зависимости крестьян – нарушение принципа христианского равенства. Отмена личной зависимости крестьян от помещиков была действительно исторически необходима.

Однако целесообразность снятия с крестьян тяглового состояния, сам отказ от модели государственного тягла не очевиден. Реформы Александра II не упраздняли ее единовременным манифестом, но задавали вектор детягловизации. Фактически тягловые функции перехо-

¹⁰ Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991. (Репринт изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб, 1898). С. 190–192.

¹¹ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. С.635.

¹² Блок М. Феодальное общество. М.: Издательство имени Сабашниковых, 2003.

¹³ Великие реформы в России (1856–1874). М., 1992; Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1966; Захарова Л. Г. Александр II // Вопросы истории. 1992. № 6–7; Захарова Л. Г. Великие реформы: поворотный пункт российской истории? // Отечественная история. 2005. № 4; Захарова Л. Г. Россия на переломе (Самодержавие и реформы 1861–1874 гг.) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М., 1991; Ляшенко Л. М. Александр II, или История трех одиночеств. М.: Молодая гвардия, 2002; Ляшенко Л. М. Царь-Освободитель. Жизнь и деяния Александра II. М.: Владос, 1994; Миронов Г. Россия на переломе: Александр II Николаевич (1818–1881) // Маркетинг. 1993. № 3; Николаев В. Александр II. М., 2005; Российские реформаторы, XIX – начало XX вв. / Под ред. А. П. Корелина. М.: Международные отношения, 1995; Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850-середина 1870-х гг. М., 2002; Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978; Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX века. М., 1991; Эйдельман Н. Я. Революция «сверху» в России. М., 1989; 44. Яковлев А. И. Александр II и его время. М., 1992.

¹⁴ Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., Наука, 1999.

дили к общине. Реформы П. А. Столыпина были исторически преемственны реформам Александра II.

Через детягловизацию в России открывалась дверь для развития капитализма. Но насколько капиталистическая модель является цивилизационно универсальной? Применительно к методологии формационного подхода переход от феодализма к капитализму рассматривался, безусловно, как шаг исторического прогресса. Соответственно, и реформам Александра II давалась характеристика в качестве прогрессивных свершений. Положительно оценивались они, естественно, и в рамках либеральной объяснительной модели. Критика в обоих случаях состояла не в том, что были затеяны реформы, а в их умеренности. Совсем иначе эти реформы могут быть восприняты с позиций цивилизационного подхода. Попытка перенесения на российскую почву иноцивилизационного опыта капиталистических отношений оказывается в этом случае угрозой для Российской цивилизации. И капиталистическая модель в России, действительно, потерпела крах. Большевики восстановили в модифицированном виде под новой идеологической вывеской модель тяглового государства. Создаваемая впоследствии колхозная система во многом репродуцировала традиционную для России форму социального устройства села. Один из основоположников теории культурно-исторических типов О. Шпенглер определял такого рода трансформации, восстанавливающие культурно-идентичный тип системы, понятием псевдоморфизм.¹⁵

В нравственном плане идея всеобщности государственного тягла диссонировала с личностной зависимостью крестьян от помещиков. Одна составляющая крепостного права ценностно противоречила его второй составляющей. Всеобщность тягла с распределением по функциям общественных групп – в сущности, эгалитарный концепт. Личностная зависимость крестьян от помещиков, прикрепленность к лицу – выражение элитарной системы. Реформированы были обе стороны крепостного права, что было не обязательно и зависело от идеологического выбора властной команды.

Последствия реформ в ценностном измерении

Но главные негативные последствия реформ состояли, возможно, даже не в экономической, а ценностной сфере.

«На великий акт освобождения от крепостной неволи народ, свободный народ! – ответил: 1) быстрым развитием пьянства, 2) быстрым развитием преступности... 3) быстрым развитием разврата, 4) быстрым развитием безбожия и охлаждением к церкви, 5) бегством из деревни в города, прельщавшие... притонами и кабаками, 6) быстрой потерей всех дисциплин – государственной, семейной, нравственно-религиозной и превращением в нигилиста».¹⁶ Приведенная оценка результатов реформ принадлежит видному консервативному публицисту Михаилу Осиповичу Меньшикову. Отмена крепостного права имела для крестьян эффект обрушения традиционной системы ценностей. Освобождение обернулось повсеместной моральной эрозией.

Распад системы традиционных социальных связей повлиял деструктивным образом на состояние идейно-психологического потенциала народа. Результатом испытанного им шока от ломки прежней модели социальной иерархии стало распространение различных форм девиантного поведения. В кризисном состоянии оказалась Церковь, столкнувшаяся с ростом безверия и массовой сектантской экспансией.

¹⁵ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. С. 119.

¹⁶ Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX века). Вып. IV. М. О. Меньшиков. Материалы к биографии. М., 1993. С.34.

Модернизация России была, безусловно, необходима. Однако избранная либеральная модель ее осуществления показала свою несостоятельность и разрушительный характер по отношению к государству. Вопрос о корректировке модели модернизационного развития адресовался уже последующим царствованиям.

Столыпинское разрушение русской общины

Традиционным, органическим, цивилизационно идентичным для России институтом самоорганизации являлась русская крестьянская община – «мир». Определенное время в отечественных общественных науках доминировало представление об общинах как о препятствии для социального развития. Однако современный опыт ряда восточных государств указывает на принципиальную возможность осуществления развития с опорой на общинные традиции. Целесообразно говорить о двух моделях модернизации: одна осуществлялась через репрессинг в отношении общины, другая – через использование общины в качестве инструмента мобилизации. Указанный опыт позволяет вновь вернуться к вопросу об общинной (или квазиобщинной) модели развития. Особого внимания заслуживает связь между общиноцентризмом и солидаристским социальным проектированием.

Существование общины, как известно, обнаруживается в различных типах цивилизаций. Это преподносится как свидетельство в пользу универсализма мирового развития. Но идентичные ли институты скрываются под понятийно единым общинным маркером? Для ответа на этот вопрос феномен общины исследовался в ракурсе цивилизационной компаративистики. В качестве объекта анализа были взяты общинные структуры трех цивилизаций: российский «мир», западноевропейский «сiвiс» и китайский «цзя». ¹⁷ Все указанные институты определяются как община. Однако ни по одному из используемых при сопоставлении базовому параметру (а таковых было шесть) совпадений не обнаружилось. Следовательно, налицо три принципиально различных социальных института, объединение которых под одним унифицирующим маркером является по отношению к каждому из них существенной деформацией. ¹⁸

На Западе община, основанная на индивидуалистической парадигме хозяйствования, довольно легко распалась. В России же, базирующаяся на коллективистской традиции, коллективистских ориентирах совместной деятельности, она каждый раз, при всех попытках ее роспуска, воспроизводилась, репродуцировалась в новых формах. Не известным для Западной Европы являлся феномен уравнительного, периодически проводимого перераспределения земель. В России он получил название «черного передела». Даже в начале XX века процедура земельных перераспределений среди русских крестьян-общинников имела крайне широкое распространение. ¹⁹

«Только благодаря своей уцелевшей общине, своему миру, – писал консервативный экономист С. Ф. Шарапов, – и стало Великорусское племя племенем государственным; оно одно из всех Славянских племен не только устроило и оберегло свою государственность, но и стало во главе общерусского государства... Община явилась хранилищем и Христовой веры, и народного духа, и исторических преданий...» ²⁰ Общинное землевладение соотносилось с национальным идеалом соборного единения. Община брала на себя функции организации вспомо-

¹⁷ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М., 1992; Вебер М. Аграрная история древнего мира. – М., 2001; Малевиш В.В. Китайская цивилизация. – М., 2001; Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М., 2001; Фэй Сяотун. Китайская деревня глазами этнографа. – М., 1989; Качоровский К. А. Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие (Опыт цифрового и фактического исследования). – СПб., 1900; Карелин А. Общинное землевладение в России. СПб., 1893; Кауфман А. А. Крестьянская община Сибири. СПб., 1897.

¹⁸ Сусоколов А. А. Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию. – М., 2006. – С. 104–164.

¹⁹ Русское хозяйство. – М., 2006. – С. 669–670.

²⁰ Шарапов С. Ф. Русские исторические начала и их современное положение. – М., 1908. С. 25–26.

ствования всем миром отдельным крестьянским хозяйствам. Другим ее назначением являлось решение социальных задач, что соотносилось с критериями социализированного типа экономики (рассмотрение экономических успехов с точки зрения социальной справедливости). Даже западник А. И. Герцен отмечал опровержение русской общинной системой хозяйствования теории мальтузианства.

Модель общины была положена в организацию «русской артели», представлявшей собой исключительно национальную форму хозяйственной самоорганизации и самоуправления. Не случайно А. И. Герцен называл артели передвижными общинами. Артельщиков связывала круговая порука, солидарное ручательство всех за каждого. Возведенное в принцип существования равноправие членов артели позволяет противопоставлять ее капиталистическим предприятиям (в литературе используется характеристика их как антикапиталистических организаций). Уместно также говорить об особом феномене русской трудовой демократии. В Российской империи были известны случаи, когда вся деревенская община составляла собой артельное объединение.²¹

О высокой трудовой эффективности артельного труда может свидетельствовать опыт форсированного строительства в течение 10 лет Великой Сибирской магистрали, проложенной главным образом руками артельщиков. Лишь 8 тыс. человек было задействовано в прокладке 7,5 тыс. км железнодорожного полотна.²² Очевидно, что опыт общинно-артельной трудовой демократии в России может быть, в соответствии с национальными традициями экономической жизни, использован и в современной управленческой практике.

И вот этот базовый в историческом самовоспроизводстве российской цивилизации институт подвергся целевому разрушению в результате так называемых столыпинских реформ.

Столыпин по своему образованию и мировоззрению был типичным западником. Родившись в Дрездене, детство и отрочество будущий премьер провел в Литве. Но прибалтийская организация сельского уклада и агроэкономики отличалась от российской. Он обучался в Виленской гимназии, а на летние каникулы выезжал в Швейцарию. На формирование взглядов будущего реформатора, несомненно, оказал влияние и его дядя Дмитрий Аркадьевич, известный публицист – аграрник, одним из первых сформулировавший задачу роспуска общины. До сорока лет П. А. Столыпин служил в западных губерниях, прожив, таким образом, большую часть жизни вне исторической России. Оказавшись на посту саратовского губернатора в ментально чуждой социокультурной среде, Столыпин не нашел ничего лучшего, чем путь силовой ломки устоявшегося хозяйственного института. Несмотря на все усилия он не достиг в этом особых успехов, и критиками премьера справа указывалось, что именно в Саратовской губернии во время революции было сожжено больше всего помещичьих имений.²³

Столыпинская аграрная реформа представляла собой попытку перенести прибалтийскую хуторскую систему на российскую почву, для которой та не была приемлема как по ментальным, так и по природно-климатическим причинам. Столыпин, в силу своей приверженности западному опыту, не понимал традиционных общинно-государственных механизмов функционирования российской экономики. «Идеалом для многих культурных стран» он считал Германию.

Известный публицист того времени М. О. Меньшиков назвал столыпинские аграрные преобразования «тихой революцией».²⁴ Столыпин полагал, что основой для складывания в России гражданских отношений является установление частной собственности на землю. Чув-

²¹ Воронцов В. П. Артельные начинания русского общества. – СПб., 1895; Исаев А. Артель в России. СПб., 1872-73. Вып. 1–2; он же. Община и артель // Юридический вестник. 1884. № 1; Калачев Н. В. Артель в древней и нынешней России. – СПб., 1864.

²² Паталеев А. В. История строительства Великого Сибирского железнодорожного пути. Хабаровск, 1951.

²³ Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 17.

²⁴ Рыбас С., Тараканова Л. Реформатор. Жизнь и смерть Петра Столыпина. С. 70.

ство собственности он оценивал как врожденное для человека. «Пока крестьянин беден, – говорил премьер-министр в одной из своих думских речей, – пока он не обладает личной земельной собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы».²⁵ По его убеждению, только крестьянин-собственник будет обладать трудолюбием, сознанием собственного достоинства, выступит проводником экономического и социального прогресса, привнесет в деревню просвещение и культуру, обеспечит гарантированный достаток своей семье. Имея в России свой экономический интерес, выражающийся в участке земли, крестьянин станет подлинным государственным и патриотом. Вначале, считал премьер, требуется дать народу экономическую свободу, и только затем наделить его политической. «Я полагаю, – заявлял Столыпин во время выступления в Думе, – что прежде всего надлежит создать гражданина, крестьянина – собственника, мелкого землевладельца, и когда эта задача будет осуществлена – гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва – гражданин, а потом – гражданственность. А у нас обыкновенно проповедают наоборот».²⁶

Указами от 9 и 15 ноября 1906 г. Столыпин пошел на беспрецедентный в истории России шаг – ломку крестьянской общины. Каждый крестьянин получал право на выход из общины и выделение своей земли, вместо традиционной для крестьянского мира чересполосицы, в виде одного участка-отруба. Столыпин рассчитывал посредством аграрных преобразований создать предпосылки для формирования мощного среднего класса. Он признавался, что правительство, разрабатывая законы, «делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и на сильных».²⁷ Тезис Столыпина «Народ сильный и могущественный не может быть народом бездеятельным» стал девизом реформ.²⁸ Идея общинного равенства Столыпиным не понималась и не принималась.

В полемику с премьером с позиций своего писательского авторитета вступил Л. Н. Толстой, полагавший сам факт земельной собственности проявлением вековой несправедливости. В ответном послании Столыпин писал: «Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие «собственности» у крестьян создает все наше неустройство. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землею. Искусственное в этом отношении оскорбление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому другому и, главное, к бедности. А бедность, по мне, худшее из рабств. Смешно говорить этим людям о свободе или о свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным...»²⁹ Раздраженный Толстой на замечание дочери, что Столыпин влюблен в закон 9 ноября, резко отвечал: «Столыпин влюблен в виселицу, этот сукин сын».³⁰

Весь этот комплекс мер в социальной политике был ориентирован преимущественно на средний класс. Но проблема заключалась в том, что среднего класса в России как раз и не было. Существовал колоссальный классовый раскол. Прежде всего в сложившейся ситуации необходимо было решение проблем беднейших слоев населения. Рабочий вопрос решался, главным образом, с учетом интереса классического квалифицированного рабочего. Однако в условиях стремительной урбанизации доминировал и все более возрастал контингент неквалифициро-

²⁵ Сидорович Г. П. П. А. Столыпин: Жизнь за Отечество. М.: Поколение, 2007. С.231.

²⁶ Сидорович Г. П. П. А. Столыпин: Жизнь за Отечество. М.: Поколение, 2007. С.306.

²⁷ Петр Аркадьевич Столыпин. Нам нужна Великая Россия.... (Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете). М., 1991. С.179.

²⁸ Там же. С.163.

²⁹ Сарнов Б. Зачем мы открываем запасы // Огонек. 1990. № 3. С.20.

³⁰ Лев Толстой – Петру Столыпину. Ваша деятельность губит Вашу душу // Неделя. 1990. № 598. С.11.

ванных кадров. Правильная по меркам типичной европейской страны политика П. А. Столыпина применительно к России давала сбой.

Столыпинские хутора не имели ничего общего с фермерскими хозяйствами капиталистического типа. Ни о каком фермерстве при 5–7 десятинах крестьянского землевладения не могло идти и речи. При ликвидации чересполосицы крестьянин попадал в зависимость от стихии. Следствием столыпинского реформирования стала приостановка начавшегося в конце XIX в. перехода сельского хозяйства от устарелой трехпольной системы к многопольным севооборотам. Раздробление крестьянского мира также стало препятствием технической инноватизации села. Тезис большевистской пропаганды, что, только вступив в колхоз, крестьяне смогут купить трактор, имел под собой определенную долю обоснованности. Провал аграрной политики Столыпина иллюстрирует голод в последний год его премьерства, охвативший до 20 губерний. Причем наиболее тяжелое положение сложилось именно в районах хуторского и отрубного землепользования. Если принято осуждать большевиков, препятствовавших деятельности политически чуждых им организаций по оказанию помощи голодающим Поволжья, то таким же образом надлежит порицать аналогичные препятствия, чинимые столыпинским правительством во время голода 1911 г. В частности, были пресечены попытки содействия голодающим Пироговским и Вольно – экономическим обществами.³¹

³¹ Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988. С. 13–14.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.